

Текст · 5 января 2021, 09:28

Александр Бородихин,

«Привезли кого-то типа Навального». Что происходило в части, где несколько месяцев держали Руслана Шаведдинова из ФБК

Рассказывает Артем Королев

Служба началась у меня в июле: первые полтора месяца я провел в учебке в Северодвинске, а 23 августа я полетел на Новую Землю — и там я был до 23 июня прошлого года.

До того как привезли Руслана, это была обычная армия. Все было окей: звонили каждую неделю, телефон давали с вечера пятницы до утра понедельника, в понедельник собирали. Все по расписанию, все хорошо, без проблем, без запар.

Жопа началась, когда приехал Руслан. Тогда пришла весть с материка — к нам приходит командир и говорит: «Все, к нам приезжает ревизор». Мы такие: «А кто приезжает, а что случилось?». Все молчат, никто не говорит — и только кто-то из контрактников сказал: «Ну, типа это правая рука Навального». Мы такие все типа: «Кто? Что?».

Они сказали еще «Шаведдинов как-то или Шаведдунов» — фамилию его коверкали, не знали, как она читается. Мы все в ожидании были, и нам сказали, что нам запрещено с ним общаться. Мы

такие: «А в чем проблема-то?». «У вас не должно быть никаких вопросов, приказ есть приказ».

Изначально он попал в другой дивизион^[1], первый, туда привезли срочников и Руслана. И в этот момент нам сказали, что он попал в другой дивизион, все хорошо. Там он был со срочниками, и его положили прям рядом с выходом, чтобы за ним могли следить, чтобы он не суициднулся.

Руслан Шаведдинов:

— Так-то о моем прибытии знали все, их за день до этого проинструктировали, что к ним едет какой-то преступник от Навального. А кто я, ну это парочка человек [понимали], кто сочувствующий, кто до этого интернет читал. А так, что человек от Навального едет в наручниках, все знали — они сразу пошли спрашивать: «Че, правда в наручниках привезли?» Говорю: «Ну да». Надели в Москве, сняли на Новой Земле, в аэропорту «Амдерма-2».

Версия, что положили у входа, чтоб я не суициднулся — все-таки скорее предположения Артема. Я-то убежден, что следили, чтобы я ничем не обзавелся. Мне поставили кровать у входа, где постоянно проходит дежурный; плюс со мной был сержант-контрактник, который сидел со мной на соседней кровати и постоянно за мной наблюдал, чтобы со мной ничего не случилось и я ни с кем не взаимодействовал.

Руслана водили на обеды, он не ел. Дальнейшую цепь событий в первом дивизионе я не знаю, но примерно

через дня три-четыре его перевели к нам — и тогда к нему начали обращаться «Ну ты же наш друг, ты сам понимаешь, что все должно быть хорошо, мы тебя не обижаем».

Что вообще происходит?! Нам запретили с ним общаться: он спрашивает что-то у нас, а мы должны были просто молчать и мимо проходить. Но я был не из тех людей, я начал с ним общаться, спрашивать, как он сюда попал. Он тогда был с бородой, с [длинными] волосами — ему сказали, чтобы он побрился, он побрился, ему сказали, что неправильно, некрасиво. У контрактников, допустим, прически были «под тройку», некоторые ходили с челками по шею, и они же говорили, что у него неправильно — хотя у него было точно так же, как и у них.

Руслан Шаведдинов:

— Честно, не помню, как было в части. Когда я в бочку прилетел, мне говорят: «Будешь стричься под ноль». Я говорю, что не буду. Говорят: «Так принято». Я спрашиваю, где так принято, потому что ни в одном документе не написано, что должен быть налысо пострижен. Там расплывчатая формулировка «прическа не должна мешать использованию средств индивидуальной защиты», а если есть растительность на лице, то она тоже должна не мешать ношению противогаза. Четко длина в воинском уставе не прописана — прописана в приказах, но устав же выше. Качал права, качал права — плюнули, и я постригся как захотел, бока состриг и сверху «под шестерку».

Руслана опять же положили ближе всего [к выходу], за ним поставили слежку. Следили случайные контрактники — были разводы в пять часов, заступает суточный наряд, и каждый раз подходят к нашему дежурному по роте и говорят: «Ну ты знаешь, у вас особый случай, главное, что ты должен — следить за Русланом. На остальной личный состав можешь не так сильно обращать внимание».

На тот момент уже поставили глушилки. Это было примерно в конце декабря, как только Руслан приехал. Поставили именно на наш дивизион: то есть левая часть здания еще как-то ловила связь, хоть она и так на Новой Земле очень плохая, а в правой связь была обрублена полностью. Ни смс, ни звонки — и телефоны нам по факту перестали выдавать.

На Новый год мы не звонили родственникам, и все были в обиде на Руслана из-за того, что он приехал. Никто не смог дозвониться до родственников — но не я. Я нашел способ, свалил из казармы, дозвонился как-то.

На следующий день Руслана куда-то отвели — на медобследование или что-то в этом роде. У него проблемы со спиной были тогда. Его не было примерно час. Прибежал командир и говорит: «Все, все, быстро выключайте глушилки, дайте личному составу позвонить!». Как только Руслан вышел, сразу начались звонки.

И как только пришла смска, какое-то предупреждение сверху, и через 20 минут опять прибежал командир и говорит: «Все, медобследование скоро закончится,

телефоны забираем». Так как связь на Новой Земле очень плохая, многие дозвониться так и не смогли.

Руслан Шаведдинов:

— Глушилки я видел собственными глазами, в своих письмах ранних пытался описывать. Такие две черных коробки с антенками; их поставили прямо перед моим приходом, и на весь этаж не работала связь. Если выходил на улицу, связь работала — для меня так даже смски пытались отправить, люди выходили на улицу, якобы в курилку.

Возможность звонить за пределами здания была не у всех. Я просто был самый хитрый и мне повезло, я бы так сказал. У меня был телефон — ну это понятно, неуставной, запрещено. Я его просто спрятал в пакете в снегу, и он там лежал до нужного момента. Я уходил на обход территории, доставал телефон, и у меня было ровно две-три минуты, чтобы дозвониться, сказать, что живой, передайте всем родственникам, что я живой. Потому что мы не звонили к тому моменту уже неделями.

Письма с Новой Земли не доходили на тот момент. У нас до этого был «час звонка» по воскресеньям, но телефоны выдавались с пятницы вечера до понедельника утра, а тут все началось по расписанию: в воскресенье с 15 до 15:50 «час звонка», который заменили на «час солдатского письма». Мы писали письма, их собирали... и за месяц все те письма, что мы писали каждую неделю, ни одно из них не дошло. Потом уже, месяца через четыре службы, Руслан

уже уехал, май, я звоню матери: «Пришло хоть одно письмо?». «Нет, вообще нет». Я когда домой вернулся, пришло только одно письмо — и то которое я писал уже после [отъезда] Руслана.

Эфэсбэшники даже попросили сделать стенгазету, посвященную чисто Руслану, чтобы он чувствовал себя в комфорте. Эту стенгазету делал я и один контрактник. Я был канцеляром, занимался стенгазетами, бумагами, журналами и секретными, блин, документами.

Стенгазета называлась «Начало восхитительной службы»: там идет фотография, потом надпись «Учимся заправлять кровать», «Прекрасный обед», «Такая хорошая служба». И на всех местах его заставляли фотографироваться.

Руслан Шаведдинов:

— Стенгазету назвали «Кактус»^[2]. Там было типа «это все о нем», как я сижу за новогодним столом, как заправляю кровать и так далее.

В газету «Новоземельские вести» его [фото] **выложили**, якобы он счастливый, радостный такой, но его по факту просто заставили. И это тоже смешной момент: на Новый год была фотография, все как обычно смотрели Путина, и единственный, кто отвернулся — это был Руслан. Я эту фотографию распечатал, и во всех письмах, на которые он отвечал, он присылал эту маленькую фотографию.

Обращение Путина и Руслан Шаведдинов. Фото: «Новоземельские вести»

Руслана заставили принять присягу: он написал в присяге «Не принимаю», они посчитали это за роспись. И все, подписал присягу — значит, солдат.

Потом начали появляться люди, которые следили за ним, «агенты»: люди, которые якобы его друзья, один срочник и один контрактник. На самом деле они следили за ним и докладывали все это высшим чинам. В один момент мы остались в умывальнике, только я и Руслан, и я ему говорю: «Не общайся с этими двумя людьми. Просто пойми, не общайся».

Потом срочника, который «крысил» Руслана, еще раз использовали: нашли человека, который занимается на Новой Земле торговлей — снюс, вот эта вся байда жевательная. В общем, этого срочника послали к барыге, и того парня военная полиция повязала. Контрольная закупка. Он был таким человеком,

который искал выгоду — а второй, наверно, за званием [следил за Шаведдиновым].

Руслан Шаведдинов:

— Был такой сержант и был такой срочник, которого оставляли на контракт, и он, чтоб выслужиться. Ну, мне все говорили, что их ко мне приставили. Но я только интуитивно могу сказать, постоянно за мной ходили и типа: «О, че, тебе письма пришли? Кто пишет?». В этом духе. Но я их особо и не подпускал.

Это все было известно мне, потому что я был канцеляром, я слышал все, что говорят командиры: и что придет человек и поставит глушилки, и как Руслану сломали телефон, который пришел по почте. Потом ему не давали симку купить, полмесяца где-то: всех водили в магазины, в это время Руслана отправляли опять в госпиталь, куда угодно, и у него не получалось ничего. Искали причины, чтобы он не мог позвонить никуда — командиры давали ему свои личные телефоны под присмотром, чтобы он сказал: «У меня все хорошо, все прекрасно».

В итоге у Руслана появился телефон, я ему помогал с ним: заряжал, давал симку иногда с интернетом. Его положили тогда уже рядом со мной как с доверенным лицом. Я знал, что он под одеялом сидит и пишет в телефоне сенсорном, он купил его в части у кого-то из срочников; аппарат был разбитый-убитый, но связь он мог держать с него.

Наступает тот момент, когда Руслан [передал коллегам], что его переводят в другую часть. Утром мы узнали, что его переводят, потом появляется пост, через десять минут его забирают и через 20 минут строят весь личный состав. В этот момент мы поняли, что все, это конечная.

Выходит командир и говорит: «Кто. Дал. Ему. Телефон?». Никто не понимает, о чем речь — только я один знаю, что у него был телефон, и он сам написал. Никто ничего не говорит, полная тишина. Нам говорят: «Хорошо, мы вас поняли». У нас полностью все спальное помещение разворошили в щипки, в хлам. Его просто, можно сказать, не было: искали все телефоны, все, что возможно было. Не нашли ничего, только две зарядки: одна была моя, которую я давал Руслану; ну я сказал, что она пропала два-три месяца назад.

Командир нам говорит: «Ну все, вы попали. До тех пор, пока я не увижу телефоны, вы будете заниматься спортом и надевать резину». То есть ОЗК^[3].

Мы потом трое суток не вылазили из резины вообще. Мы снимали ее, только когда выходили на обед. Потом возвращались — нас снова качали, качали, качали. Спрашивали, чуть ли не пытали уже. ОЗК — это такая вещь, в которой очень жарко и тяжело дышать, это противогаз, вещмешок, плащи и все такое. В этом заниматься спортом крайне затруднительно. Обычно такое занятие происходит раз в неделю, может быть на один час, а тут это было три дня и без остановки.

Мы приходили, завтракали — и опять было ОЗК, мы снова качались. Кто-то в обмороки там падал, у кого-то давление, все в госпиталь съезжали, а я был до конца, потому что понимал, что нас не задрочат прям до смерти. Бегали — мало сказано; отжались сто раз — окей, отдыхаем, приседаем еще пятьсот раз, обнялись — и приседаем, потом снова отжимаемся, потом «бабочку», потом берпи. Спорт — это жизнь, фитнес-тренинг был полный.

У нас из личного состава в 20-25 человек остались просто мертвые люди какие-то. Человек пять уехали в госпиталь, потому что на морозе бегали: только вспотевшие из ОЗК вылезли, надели спортивную форму; на улице ветер, снег, а мы бежим в обычной спортивной форме. Многие улетели с пневмонией.

После этого один из срочников придумал идею, что будет хорошо, если телефоны кто-то «найдет». Нас в третий день просто до полусмерти вымотали, тысяча потов вылилась — и тут один говорит: «Я знаю, где его телефон». На самом деле телефон был у Руслана, он его засунул туда куда-то и с собой забрал. Парень принес какие-то два случайных телефона и сказал: «Вот, это его». Их сразу отправили на проверку в службу защиты государственной тайны: телефоны абсолютно пустые, ничего не нашли. И тогда сказали, что не будут больше нас задрачивать, раз никакой информации нет.

И в этот момент командира повышают: тот, который заместитель командира по вооружениям, всю жизнь был капитаном, и тут просто в один момент стал майором, просто ни с чего.

Еще была такая ситуация с судом: когда у Руслана был первый суд, утром его куда-то забрали. Суд был из-за того, что ему не давали телефон. В этот момент именно тот командир, которому в дальнейшем дали майора, подходит ко мне и говорит: «Ты будешь свидетелем, будешь говорить, что это все ложь, провокация, никаких глушилок у нас не было, все в казарме всегда хорошо — ну, знаешь, что сказать. Иначе все хреново будет, лишнего не скажи». Туда взяли еще одного парня, срочника — его позвали первым, и он только врал по сути. Руслан сам стоял смеялся на суде, это ведь реально была ложь. И этот командир, крутой мужик якобы, чуть ли не на коленях у меня умолял, чтоб я лишнего не сказал, «а то меня посадят, семья, дети». Меня в итоге не вызвали.

Руслану пришел по почте телефон кнопочный, уставной. Он его сдал, все как надо — но на нем не было симки. Он говорит: «Мне нужна сим-карта, можно за ней я схожу с офицером, с контрактником, с кем угодно». В итоге прошло две-три недели, и только потом ему дали сим-карту, а на следующий день, когда он один или два раза по ней позвонил, ему сломали телефон. Он его сдал, там какие-то диоды вытащили, и он просто не работал, не включался.

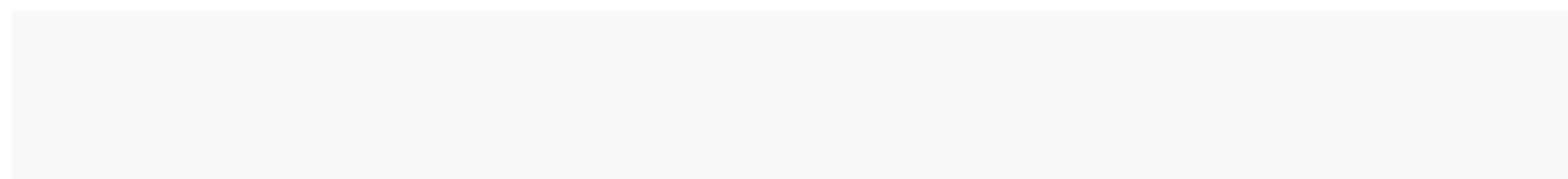
От нас не отставали еще долгое время: качать перестали, но стали каждый день проводить шмоны — начали полностью «взрывать» спальное помещение, искать телефоны, проверять карманы.

Перед отъездом, когда мы прощались с Русланом, я ему сказал: оставь мне свой номер телефона, я тебе скажу, что да как. Он мне написал номер; когда

у меня проверяли военный билет, там нашли этот телефон. Тогда сказали: «Чей это номер?». Я такой: «Сестры!». Мне не поверили и начали сравнивать номер телефона — а это был номер его девушки — Кира, по-моему. Это был номер, по которому я должен был связаться с Русланом, но по факту оказался номер его девушки, но я этого не знал. Этот же номер был у второго срочника, у которого также его спалили.

Все ужесточилось. Нам начали говорить: «Это фашизм, вы никогда не сможете подружиться с такими людьми. Запомните, они вам не нужны. Это просто национализм, фашизм, не общайтесь с ним». Командир взвода нас построил и спросил: «Кто считает Руслана Шаведдинова другом?». И все те, кто с ним дружили, общались — никто руки не поднял. Поднял я один, и он начинает давить: «Ну и что, и почему он твой друг? То есть вот началась бы революция, начали бы убивать людей — ты бы поддержал его?» Я говорю: «Если бы было во благо нашей страны, то да». А он: «Ты еще хуже, чем я думал». Отвернулся и все. Начал говорить, как это плохо, про фашизм, про национализм, что Руслан татарин. Он говорил, что они хотят поработить наш российский народ, чтобы мы пошли против своей же власти, против таких же русских, как мы.

Начали промывать мозги каждый день: «Вы не должны быть такими, как он, помните». Начали говорить про Киру, девушку его, что она тоже продажная, родину продаст за деньги Америке, все что угодно.

Рассказывает Сергей^[4]:

— Меня забрали в июле того года. Полгода прошло, и в декабре привезли этого Руслана. Там столько кипеша было: все полковники в шоке были, что привезли кого-то типа Навального, все его так звали. Поставили глушилки на территории нашей части, чтобы мы никому не могли позвонить.

Даже здороваться с ним нельзя было и общаться — мы аккуратно, чтоб нас не заметил никто из контрактников либо полковников. В столовой мы завтракали, обедали или ужинали, он пытался передать мне записку, а они следили.

Так как у меня был телефон беспалевный, я, естественно, решил ему помочь. Так забрали его неожиданно и бредово. Мы разными способами пытались помочь ему передать информацию: он писал на бумажке письмо, которое нужно отправить и номер телефона. Но не получилось, к сожалению. Я когда был в наряде, хотел отправить письмо Кире, только написал «Здравствуйте», заходит полковник (из другой части вообще), забирает у меня телефон и читает сообщения. Я, естественно, ничего не стал говорить.

На следующий день, когда наряд закончился, меня вызывает мой командир, спрашивает, че за фигня, кто дал телефон и так далее. Я стал отмазываться — и в итоге через день-два телефон утопили.

Просто налили в ведро воду, кинули туда — и все. До этого у меня тоже был телефон, но его тоже спалили; его прибили к стенке, к деревяшке. Вот там висят теперь два телефона.

В итоге мне грозились, что посадят, тоси-боси, там будут следить за тобой, когда приедешь. Я такой:

«Да-да-да, все ясно». Короче, боялись они жестко за свою жопу.

Еще вспомнил, что меня полковник Теленков, замкомандира части пригласил к себе и сказал: «Следи за Русланом и передавай всю информацию мне, что он тебе будет говорить». Я, естественно, сказал: «Да-да-да», а потом, когда он стал меня вызывать, я такой: «Мы с ним не общаемся, тоси-боси». И дальше он забил на меня.

У них как будто листочек был, шаблон — офицер меняется, и каждый говорит одни и те же фразы, только завуалированно. «Дослужите с честью и не опозорьте себя и свою родину. Никому не говорите, что у вас вообще был такой сослуживец, потому что по факту его здесь не было».

Все говорили, что Руслана отправили на вертолетную площадку, он там снег чистит, и с ним все хорошо. Но командир говорит: «Его отправили в самую дальнюю задницу, куда его только можно было отправить, где нет связи, чтобы он даже не мог попробовать дозвониться и не судился».

Приехал эфэсбэшник из другой части, забрал глушилку, проблем больше не было. Просто решили забыть про него, но каждый раз все напоминало об этом.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Часть 23662; в одном здании расквартированы три дивизиона — первый, второй и «командный пункт», — а также санчасть.

2. В честь утренней передачи Шаведдинова на канале «Навальный.Live».
3. Общевойсковой защитный комплект — набор, состоящий из плотного прорезиненного плаща с резиновыми перчатками и прорезиненными чулками, предназначенный для защиты от отравляющих веществ и радиоактивной пыли; используется вместе с противогазом.
4. Фамилию называть не стал.